Как и столетие назад: кризис идеологий грозит большими потрясениями

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Череда громких побед немейнстримных политических сил на национальных и локальных выборах в Европе дала повод говорить об усиливающемся кризисе центристских партий. О том же свидетельствуют и нарастающие социально-экономические вызовы во многих странах на Западе и за его пределами. Однако за этой лежащей на поверхности проблемой начинает просматриваться и другая, более серьезная. Она заключается в растущей неспособности доминировавших многие десятилетия идеологий дать ответы на все более острые вопросы современности.

Содержание

1 Управленческий кризис на марше
2 Кризис политических идеологий
3 Или выводы преждевременны?

После уже нескольких громких поражений, которые правящие и мейнстримные партии в Европе потерпели от внесистемных политических сил, новые победы право- и лево-радикалов едва ли кого-то удивляют. Пожалуй, уже можно говорить о признаках электоральной революции, которая постепенно распространяется по европейскому континенту и особенно контрастно выглядит в странах Европейского союза, привыкших жить под руководством центристских правительств. Однако результаты выборов – не единственный показатель того, что «в Датском королевстве что-то неладно».

В некоторых странах политическая и управленческая чрезвычайщина становится привычной характеристикой ежедневности вне зависимости от того, кто в них выиграл прошлые выборы и руководит правительством. Все это, безусловно,

свидетельствует о нарастающих кризисных явлениях на просторах Европы. И хотя это относительно недавняя тенденция, она все больше начинает выглядеть предтечей каких-то серьезных процессов с потенциально масштабными и долгосрочными последствиями.

Управленческий кризис на марше

То, что чувство кризисности не уходит после выборов, а в некоторых случаях только усиливается даже после того, как к власти приходят еще недавно оппозиционные силы, указывает на что-то фундаментное, а не временное и проходящее.

Самый свежий пример – Великобритания. Там только в июле Лейбористская партия одержала самую впечатляющую победу на парламентских выборах со времен триумфа Тони Блэра в 1997 году. Казалось бы, такие электоральные результаты и спрос на перемены после почти 15 лет безраздельного правления консерваторов создали условия для уверенной и энергичной перезагрузки всей государственной системы. И именно этого избирателям обещал Кир Стармер со своей командой. Однако новое правительство еще не успело преодолеть 100-дневный рубеж во главе королевства, а СМИ уже полнятся заголовками о его кризисе.

В основном журналисты раскручивают потенциально скандальные истории о предполагаемых случаях коррупции и кумовства. Но, как отметил анонимный высокопоставленный британский чиновник, «прежде всего, им нужно понять, что именно это правительство хочет делать со страной». А ветеран-лейборист Алистэр Кэмпбелл считает, что общество практически ничего не знает о том, какую политику собираются проводить новые власти. То есть проблемы здесь выходят далеко за рамки отдельных кейсов некомпетентных или коррумпированных политиков и взбираются на стратегический уровень.

> Оказывается, управленческая действительность настолько отличается от предвыборной агитации, что уже менее чем через три месяца после вступления в полномочия правительство не имеет полноценного плана действий.

Другим, даже более колоритным примером является Франция. Углубление управленческого кризиса там можно проследить по эволюции восприятия Эммануэля Макрона населением. Как напоминает издание Politico, в 2017 году он вступал в должность главы государства с имиджем образцового банкира-

технократа, который быстро превратит Францию в рай для инвестиций и в главный мотор экономического роста Европы. Он создал новое центристское движение «Вперед, Республика!» (теперь – «Возрождение»), и этот факт как будто подчеркивал, что под руководством молодого президента Париж откинет в сторону все политические крайности и будет править согласно проверенным временем профессиональным экономическим рецептам.

С таких позиций Макрон мог легко дискредитировать своих политических оппонентов как чудаковатых популистов, не умеющих считать деньги и уж тем более не способных держать в порядке государственные финансы. Однако 7 лет спустя от былого имиджа не осталось почти ничего.

Иллюстрацией его трансформации могут служить не только электоральные рейтинги и результаты Макрона и его движения, а также кажущийся запрограммированным паралич недавно сформированного правительства. Символичным выглядит принятый на прошлой неделе государственный бюджет. Вернее, те глубокие изменения, которые он предусматривает. Так, на 19,4 млрд евро должны увеличиться налоговые сборы и на 41,3 млрд евро будут сокращены бюджетные расходы.

При всей понятности таких мер для финансового оздоровления примечателен сам факт «фискальных качелей», который отражает глубоко кризисное положение дел. Это же показывает и бюджетный дефицит, который по итогам 2024 года, как ожидается, достигнет во Франции впечатляющего показателя в 6,1% ВВП (хотя в ковидные 2020-2021 годы было и того больше). При этом Счетная палата Франции подсчитала, что с 2018 по 2023 годы фискальная политика полностью контролировавшегося Макроном правительства стоила налогоплательщикам дополнительных 62 млрд евро. В таких условиях обещаниям вернуть к 2027 году показатели бюджетного дефицита и долга к требованиям ЕС не верят даже недавние соратники Макрона.

Кризис политических идеологий

Глядя на британский, французский и многие другие примеры можно сказать: ну да, стоящие у руля политики по каким-то причинам провалились и вряд ли способны исправить ситуацию. Неудивительно, что часто звучат горевания в стиле «нет больше в Европе по-настоящему масштабных лидеров». Такая констатация, к сожалению, в большинстве случаев не лишена оснований. Однако представляется, что она не отражает всей полноты кризиса. Вопрос не только в факторе личностей.

> Личностный фактор кажется вторичным по сравнению с куда более серьезной и потенциально опасной проблемой – идеологическим вакуумом, который образовывается из-за неспособности политических элит найти концептуальные ответы на все менее тривиальные вызовы современности.

Это вопрос не только и даже не столько недостаточных волевых и лидерских качеств конкретных политиков или их некомпетентности, сколько нерелевантности идеологических линз, через которые европейские общества привыкли смотреть на мир в последние десятилетия.

Притом Европа здесь, вероятно, лишь первая ласточка. С высокой степенью уверенности можно прогнозировать, что с некоторым временным лагом волна цепной реакции распространится на многие другие, если не все, регионы мира. Просто в Европе и на Западе в целом идеологический вакуум начинает ощущаться быстрее из-за их более фанатичного отношения к идеям «конца истории». Представления о непогрешимости сплава рыночной экономики и либеральной демократии там слишком долго и некритично возводились в абсолют, да еще и прятались за многочисленные табу политкорректности.

А сегодня и политикам, и избирателям сложно понять, как из этого сплава извлечь эффективные решения для наиболее остро стоящих перед обществами вызовов. Сейчас самая чувствительная такая проблема – миграция и ассимиляция. Однако сюда же можно отнести и многие другие: международную торговлю и экономическую конкуренцию, расслоение общества, социальную политику в условиях обостряющейся геополитической конкуренции и т.д.

> Подтверждением того, что дело действительно в кризисе идей и идеологий (а не просто в некомпетентности отдельных политиков и бюрократов), является практически повсеместный рост популярности внесистемных партий и политико-идейных платформ.

И почти везде эти партии представляют крайний – местами откровенно радикальный – политический спектр, который наиболее отчетливо контрастирует с мейнстримом. Именно они заполняют политический вакуум, возникающий из-за растущей неспособности центристов различных мастей предлагать программы, которые бы в режиме реального времени отвечали потребностям избирателей.

А потребности эти буквально за несколько последних лет сильно поменялись. Очень показательны в этом плане электоральные приключения «зеленых». Еще каких-то 5-6 лет назад многим казалось, что «зеленые» (как и макронисты во Франции) всерьез и надолго становились доминирующей политической силой в Европе. Они, например, существенно перевернули тогда традиционные избирательные расклады в Германии. Однако сегодня в той же Германии они уже далеко на периферии, в том числе среди своего базового электората –молодежи.

Подчеркнем при этом, что речь идет не исключительно об идеологиях как разных взглядах на то, каким образом должна быть организована жизнь общества. Все более остросюжетные европейские политические кейсы указывают на более широкий кризис, который касается и мировоззренческих платформ, и того, как они претворяются в жизнь. То есть и теории, и практики. Хотя любая управленческая проблема на практике – это в конечном итоге все равно и проблема теории. Поэтому оправданно утверждать, что мы имеем дело с идеологическим кризисом, который со временем будет лишь усугубляться и получать все более болезненные формы проявления.

> Ситуация в чем-то начинает напоминать реалии начала XX века.

И тот, кто сможет предложить новые системные идеи, как и сто лет назад, будет претендовать на большой политический куш. Притом идеи нужны действительно оригинальные, косметической перекраской имеющегося идеологического базиса в долгосрочной перспективе вряд ли получится отделаться.

На это указывает пример того же Макрона, который пытался сшить традиционный разрыв политического спектра между левыми и правыми, объединив элементы обоих полюсов на центристской платформе. Однако в итоге вместо новой современной идейной конструкции получился какой-то постмодернистский хаос. А этот хаос быстро превратился в вакуум, притягивающий радикальные альтернативы. Другими словами, итогом политического «марша» Макрона становится то, что вместо «стены против экстремизма», которую обещал возвести, он собственноручно открыл все двери в большую политику крайним силам, в том числе и потенциально экстремистского характера.

Или выводы преждевременны?

Можно, конечно, оппонировать предложенным здесь рассуждениям. Мол, не нужно сгущать краски и делать из мухи слона.

Во-первых, кризисы – это данность нашей жизни, которая не просто неизбежна, но и способствует долгосрочному прогрессу. Поэтому кризисы не только естественны, но и полезны. Во-вторых, поражения на выборах политических сил и лидеров, которые не оправдывают ожиданий общества, как раз показывают, что демократические системы прекрасно работают. А если так, то о каком глубоком кризисе мейнстримных политических идеологий может идти речь? Ведь именно эти идеологии являются основой основ всей демократической конструкции.

Эти возражения не лишены резона. Но только кризис кризису рознь. Большинство кризисов государства и интеграционные объединения преодолевают с помощью относительно простых реформ, которые без разрушения основ дают свежие импульсы развитию. Но на некоторых исторических этапах доминирующие модели управления выдают системные ошибки. Исправить их с помощью решений, не затрагивающих глубинные основы жизнедеятельности, оказывается невозможно. Текущие тенденции все больше подталкивают к выводу о том, что мы проходим именно такой этап.

Проверить эту гипотезу можно будет уже достаточно скоро. Ведь если мы имеем дело лишь с феноменом массового протестного голосования против не оправдывающих ожиданий избирателей мейнстримных партий и политиков, то уже через год-другой ситуация должна стабилизироваться. Избиратели в таком случае проучат мейнстримных политиков, добившись от них изменений в подходах по наиболее острым социально-экономическим вопросам, и все вернется на круги своя. Если же гипотеза о глубочайшем кризисе идеологий подтвердится, то нас ждут очень интересные, но также и чрезвычайно опасные десятилетия.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»